

AN ERA OF CHANGE FOR PEOPLE AND THE STATE*

Man cannot discover new oceans unless
he has the courage to lose sight of the shore.

André Gide

An era of change. These words are the salvation and curse of human existence. The restlessness of human nature is reflected in the never-ending search for something new, encountering hope for the best, the desire for peace and stability, fatigue from the chase, disappointment, and bitterness.

If one tries to look at history from a bird's-eye view, one might notice how little there is in it that can be safely called periods of stability. As soon as the fabric of historical time has taken a recognizable shape, its threads begin to tear, its patterns dissolve, and a seemingly reliable "yesterday" turns into a shaky "today" and an unknown "tomorrow", terrifying the timid ("Be patient, everything will soon return back to square one") and encouraging the bold ("We are building a new, unknown and brave new world!").

There are no clear borderlines between epochs of stability. Change may enter our lives quietly and imperceptibly, or loudly, accompanied by the roar of orchestras and ringing declarations. But the old does not give up easily: it fights, mimics, adapts, and softens the radicalism of change. And so we talk about the "Long Middle Ages", about the "long" seventeenth, eighteenth, and nineteenth centuries, using the concept of "transitional era".

Paradoxically, the duration of such transition periods is often as long as that of "stable periods". Therefore, transition eras tend to develop their own periodization. The multi-layered nature of the historical process complicates our understanding of the boundaries of transition. The study of "transitivity" in history seems limitless in terms of problematics. The ability to reflect on this sharpens the sense of change; social elites become more responsive to innovations; political processes become more dynamic; wars redraw borders and impose a new reality faster than people can keep up

* L. S. Soboleva's work was financially supported by RSF Project No. 19-18-00186 "Culture of the Spirit" vs "Culture of the Mind": Intellectuals and Power in Britain and Russia in the Era of Change (17th-18th Centuries)".

Работа Л. С. Соболевой осуществлялась при финансовой поддержке гранта РФФИ, проект № 19-18-00186 «"Культура Духа" vs "Культура Разума": интеллектуалы и власть в Британии и России в эпоху перемен (XVII-XVIII вв.)».

with; economies are able to demonstrate explosive global changes that may not be perceived for several generations; and so on. This issue of *Quaestio Rossica* is interested in different scales of historic change: international, national, regional, local, individual/personal, socio-cultural.

We start the issue with a topic that seems to have affected nearly everyone this year: the Covid-19 virus and the epidemic (*Dialogus* section). This has highlighted various catastrophic problems: organizational, administrative, medical, sociolinguistic. *Quaestio Rossica* presents an interesting research perspective – the reaction of national languages to the epidemic and to the search of national governments for potential influence on the behaviour of the population. The authors show how the language of pandemic creates a general sense of danger and offers a means to counter catastrophe, including historical memory, emotivity of language, and administrative discourse. The discussion includes *Arto Mustajoki* (Helsinki, Finland), *Nadezhda Nilsson* (Stockholm, Sweden), *Rafael Guzman Tirado* (Granada, Spain), *Anna Tous-Rovirosa* and *Daria Dergacheva* (Barcelona, Spain). *Irina Vepreva* and *Tatiana Itskovich* (Yekaterinburg, Russia) act as moderators².

The theme of historical change commences with materials from the international academic seminar “Russia and Britain: Ideas and Values in an Era of Change (17th-18th Centuries)” (10.07.2020, Ural Federal University with the support of the School of Slavonic and East European Studies (SEES) at University College London (UCL) under the patronage of the Russian Scientific Foundation). In collaboration with the journal *Dialog so vremenem* (“*Dialogue with time*”), we hope to provide a three-dimensional image of the transitional seventeenth and eighteenth centuries [see: От редакции].

For this issue of QR, we have chosen works studying many aspects of Russian culture’s relationship with people and ideas in Europe in the seventeenth and the eighteenth centuries. *Marina Kiseleva*’s (Moscow, Russia) article on Symeon Polotskii successful work at the Moscow court, against the background of Juraj Križanić’s no-less-pertinent reflections at the end of the seventeenth century, demonstrates the great influence of personality on broadcasting new ideas. Metropolitan Ignatii (Rimsky-Korsakov) of Siberia expressed ideas about secular and clerical power, their borders and spheres of influence, that seem, according to *Ivan Nikulin* (Yekaterinburg, Russia), quite in the spirit of the times. *Konstantin Bugrov* (Yekaterinburg, Russia), based on eighteenth-century literary works, reflects on the specifics of Russian political thought in connection with opposition to the radical rationalism of Niccolò Machiavelli. *Alexey Yudin* (Novosibirsk, Russia) directs our attention to language as the most sensitive tool for measuring the movement of ideas. The author studies the influence of borrowed concepts from so-called “Lithuanian” books on the *Azbukovnik* of David Zamaray, a scribe at the Moscow Print Yard.

² For more information on the authors, please refer to the “On the authors” section.

According to *Konstantin Sharov* (Moscow, Russia), the different ways in which anthroponyms are used in transition-era homiletics demonstrate an ambiguous understanding of the personal factor in culture and history. *Anna Smirnova* (St Petersburg, Russia) discusses M. V. Lomonosov's translation of European classical authors (in particular, Cicero), thus concluding this section's somewhat rhetorical focus.

A thematic block of five articles by *Andrey Pavlov* (St Petersburg, Russia), *Mariusz Sawicki* and *Tomasz Ciesielski* (Opole, Poland), *Philip Wolanski* (Wroclaw, Poland), and *Elena Smilyanskaya* (Moscow, Russia) reveals a colourful picture of ceremony at the courts of early modern monarchs, one that is by no means static. These articles provide interesting new information and observations on the representation of power. Moreover, turning to the multidimensional process of elite culture circulation reveals the channels and mechanisms of socio-cultural transfer between western and eastern Europe, showing the evolution of values within both individual countries and in the international context.

The theme of change is central to all the articles in the issue, regardless of the section in which they are placed. The agonizing death of Peter the Great, the personification of change, is shown against the background of medical debates surrounding his treatment in an article by *Alexey Morokhin* (Nizhny Novgorod, Russia). The most progressive medical figures of the time, held captive by their ambitions and conflicting ideas about the causes of diseases, were unable to correctly diagnose their Russian patient – a situation that had great political consequences for the radically reformed country. Vasily Tatishchev, a Petrine administrator, politician, and intellectual who proposed legalizing remuneration for judges and their clerks a few years after the death of Russia's great reformer, seems at first glance like a renegade from Peter's principles, a man trying to legalize bribery. However, as *Alevtina Safronova* (Yekaterinburg, Russia) shows, Tatishchev's project was in fact an innovation based on familiarity with the practice and theory of public administration in Sweden and the German states (*Origines* section). Noble self-government – an innovation that received a legislative basis in Russia as late as the last third of the eighteenth century – can look shabby when compared with the practices of the European west, with features seemingly lifted straight from the pages of Gogol and Saltykov-Shchedrin. Nonetheless, as demonstrated by *Dmitry Timofeev* (Yekaterinburg, Russia), the Russian provincial nobility quickly learned to use new electoral procedures not only as channels of public communication with the authorities, but also as a defence for their common interests, which affected the intensity of their social consolidation.

While earlier articles deal with the individual and collective behavioural practices of the Russian elite during transition periods, several subsequent pieces draw the reader's attention to commoners. Even the enserfed peasantry, the largest population group in eighteenth-century Russia, saw its self-consciousness evolve under the influence of long-term

changes. *Yerofey Moryakov* (Moscow, Russia), who studies the petitions of serfs to Paul I, comes to the conclusion that by the end of the century, the peasantry was also affected by social consolidation, which led, in particular, to the self-awareness of themselves not only as inhabitants of certain fiefs, but also as imperial subjects. *Viktor Maul* (Nizhnevartovsk, Russia) looks at the search for truth and justice among Chigirin peasants, albeit in the context of the idea of an ideal Monarch-Saviour. *Galina Alishina* (Tomsk, Russia) uncovers the aspirations of peasants to change their lives: based on archival research, the article vividly presents the successes and failures of the peasantry's colonization of Tomsk region.

Amiran Urushadze (Rostov-on-Don, Russia) discusses the reasons for the low combat effectiveness of the Don Cossacks during the Caucasian wars. As becomes clear from his research, the people of the Don often found themselves being sent to serve in the Caucasus. Such a radical change in the nature and conditions of their service was, according to the author, a clear miscalculation on the part of the civil and military leadership.

Mobilization and cooperation as responses to the challenges of change have also manifested themselves at the institutional level. *Pavel Lizunov* and *Vladimir Morozan* (Severodvinsk, St Petersburg, Russia) analyse the activities of a banking syndicate in the early twentieth century. Founded on the initiative of Sergei von Witte as a tool to mitigate the financial crisis of 1899–1903, the syndicate, in partnership with the Imperial State Bank, generally fulfilled the rescue mission assigned to it, and the experience it gained was successfully used afterwards. *Sergey Markedonov* and *Igor Okunev* (Moscow, Russia) present theoretical generalizations on the experience of changes in relation to territorial problems. Their article contemplates the complexity of the self-determination of independent states and conflicts arising from the opposition between formal borders and the population's national identity.

The *Controversiae et recensione*s section discusses international relations and their reception as manifested through the practices and statements of rulers and society. The complexity and ambiguity of such relations, as well as frequent stereotypes in the assessment of such, are analysed in terms of eighteenth-century Russia and Germany in Peter Hoffman's monograph (2019). The author of the review, *Hartmut Rieß* (Munster, Germany), while appreciating the work's boldness and richness, does not miss the opportunity to point out the controversial nature of a number of Hoffman's statements. *Tomasz Ambroziak* (Yekaterinburg, Russia) speaks about how important terminology is for understanding one's worldview. He analyses the Polish researcher Anna Grzeskowiak-Krwawicz's monograph (2018) on political discourse in the Polish-Lithuanian Commonwealth. The reviewer's conclusion touches upon further prospects arising from this research. Presented via an analysis of management approaches, *Dmitry Vasilyev* (2018) considers changes in state policy in the Asian part of the Russian Empire. In his review of this work, *Roman Pochekaev* (St Petersburg, Russia) traces in detail the logic and documentary

basis of the monograph, pointing out Vasilyev's multi-faceted assessment of political ambitions combined with the progressive aspirations of ruling structures.

By focusing on the idea of change throughout the issue, we emphasize that this is one of the most important topics for the journal [see, for example: Morard, Soboleva, Redin], which the editorial board intends to address further.

Larisa Soboleva, Dmitry Redin
Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

Чтобы открыть новые части света,
нужно иметь смелость потерять из виду старые берега.

Андре Жид

Эпоха перемен. В этих двух словах спрессована едва ли не вся суть человеческого существования. В них спасение и проклятие человеческого бытия. Беспокойство человеческой природы сказывается в поиске чего-то нового в мире и в себе исходя из надежды на лучшее и в одно-временном желании покоя и стабильности, в усталости от погони, обманутых надежд, горечи от бессмысленных жертв.

Исторический процесс не менее парадоксален. Если попытаться посмотреть на него с высоты птичьего полета, взять панорамным планом, то мы заметим, как мало в нем того, что можно с уверенностью назвать периодами стабильности, классическими эпохами. Едва лишь ткань исторического времени успевает соткаться в узнаваемое и ровное полотно, как нити его начинают рваться, узоры – расплзаться, такое надежное «вчера» превращается в зыбкое «сегодня» и неизвестное «завтра», ужасающее и манящее, заклинающее маловерных и робких: «Потерпите, все скоро вернется на круги своя»; ободряющее дерзких: «Мы строим новый неведомый и дивный мир»!

Между эпохами стабильности нет четких граней. Новизна может входить в нашу жизнь тихо и незаметно, а может – нарочито громко, в огнях, крови, грохоте оркестров и звенящих деклараций, но прежнее не сдается легко. Оно борется, мимикрирует, приспосабливается, смягчает радикализм перемен. И вот мы вынуждены говорить о «долгом Средневековье», о «длинном» XVII, XVIII, XIX в., оперируя понятием «переходная эпоха».

Длительность переходных эпох порой не уступает длительности «стабильных периодов». Внутри переходных эпох возникает своя периодизация. Многослойность исторического процесса усложняет наше

понимание границ перехода. Исследование «переходности» безгранично по проблематике и открытию новых граней: способность к рефлексии обостряет ощущение перемен; социальные элиты отзывчивее к новациям; политические процессы динамичнее социальных; войны перекраивают границы и навязывают новую реальность быстрее, чем она входит в сознание людей; экономика способна демонстрировать взрывные глобальные изменения, которые еще несколько поколений могут не восприниматься большинством, и так до бесконечности. Настоящий номер журнала посвящен процессам перемен, рассматриваемых в разных хронологических срезах и масштабах: межнациональных, национально-страновых, региональных, локальных, индивидуально-персональных, социокультурных.

Обзор начинаем необычно – с темы, затрагивающей сегодня каждого человека и ярко высветившей катастрофические проблемы разного свойства: организационно-государственные, биомедицинские, социологические – Covid-19 (раздел *Dialogus*). В номере представлен исследовательский ракурс – реакция языка разных стран на сложность восприятия и поиск воздействия через риторику на поведение населения, а также на создание общего ощущения опасности и средств противостояния катастрофе, включающих историческую память, эмоциональность языка, приказной дискурс государственного уведомления. В обсуждении приняли участие исследователи из разных стран Европы *Арто Мустайоки* (Хельсинки, Финляндия), *Надежда Нильссон* (Стокгольм, Швеция), *Рафаэль Гусман Тирадо* (Гранада, Испания), *Анна Тоус-Ровираса*, *Дарья Дергачева* (Барселона, Испания). Модераторы письменного диалога – *Ирина Вепрева* и *Татьяна Ицкович* (Екатеринбург, Россия).

Развертывание темы в историческом аспекте открывает публикация в разделе *Problema voluminis* материалов Международного научного семинара «Россия и Британия: идеи и ценности в эпоху перемен (XVII–XVIII вв.)» (10 июля 2020 г., Уральский федеральный университет при поддержке *University of London School of Slavonic and East European Studies* (SEESE) Университетского колледжа Лондона (UCL) под эгидой Российского научного фонда). В содружестве с журналом «Диалог со временем» мы надеемся дать стереоскопический образ переходной эпохи [см.: От редакции]. Для данного выпуска избран ракурс освещения связей русской культуры с людьми и идеями Европы XVII–XVIII в. То, насколько велико влияние личности при трансляции новых идей, демонстрирует статья *Марины Киселевой* (Москва, Россия), посвященная успешной деятельности Симеона Полоцкого при Московском дворе на фоне не имевших реального воплощения, хотя не менее злободневных размышлений Юрия Крижанича в конце XVII в. В воззрениях Сибирского митрополита Игнатия (Римского-Корсакова) актуализировались идеи светской и клерикальной власти, ее границ и сфер влияния, и мысли церковного деятеля, согласно выводам *Ивана Никулина* (Екатеринбург, Россия), оказываются вполне

в духе времени. Продолжением размышлений о специфике российской политической мысли в связи с противостоянием радикальному рационализму Н. Макиавелли является исследование *Константина Бугрова* (Екатеринбург, Россия), проведенное на основании литературных произведений XVIII в. Обращение к языку как самому чуткому инструменту измерения движения идей присуще статье *Алексея Юдина* (Новосибирск, Россия) о влиянии заимствованных понятий из «литовских» книг в Азбуковнике справщика Московского печатного двора Давида Замарая. Различие в принципах использования антропонимов в гомилетике переходной эпохи, по мнению *Константина Шарова* (Москва, Россия), демонстрирует неоднозначное понимание личностного фактора в культуре и истории. Завершает обращение к теме красноречия статья *Анны Смирновой* (Санкт-Петербург, Россия) о принципах перевода античных авторов (в частности Цицерона) М. В. Ломоносовым.

Тематический блок из пяти статей авторов разных стран – *Андрея Павлова* (Санкт-Петербург, Россия), *Мариуша Савицкого* и *Томаша Цесельского* (Ополе, Польша), *Филиппа Воляньского* (Вроцлав, Польша), *Елены Смилянковой* (Москва, Россия) – разворачивает перед читателем красочную картину церемониалов при дворах монархов Центральной и Восточной Европы раннего Нового времени, и эта картина не статическая. Содержание предлагаемых статей даст интересную новую информацию и исследовательские наблюдения для изучения механизмов презентации и репрезентации власти, но в комплексе представленный материал примечателен не столько этим. Обращение к многомерному процессу циркуляции элитарной культуры раскрывает каналы и механизмы социокультурного трансфера между западом и востоком Европы, показывает эволюцию ценностей как внутри отдельных стран, так и в интерконтексте.

Тема перемен пронизывает все статьи номера, независимо от того, в какой рубрике они размещены. Мучительная смерть императора Петра Великого, ставшего олицетворением новой эпохи, предстает на фоне медицинских дебатов о методах его лечения в статье *Алексея Морохина* (Нижний Новгород, Россия). Самые прогрессивные медицинские светила своего времени, находясь в плену карьерных амбиций и противоречивых представлений о причинах болезней, оказываются не в силах вынести правильный диагноз своему своенравному пациенту – вневременная ситуация, имевшая большие политические последствия для радикально реформировавшейся страны. Многомудрый Василий Татищев, администратор, политик, интеллектуал, предлагавший несколько лет спустя после смерти великого преобразователя России узаконить частные вознаграждения за профессиональную работу судей и их канцеляристов, выглядит на первый взгляд как отступник от заветов Петра, как человек, пытавшийся легализовать мздоимство. Но, как показывают публикация и исследование *Алевтины Сафроновой* (Екатеринбург, Россия), татищевский проект есть своего рода новация, основанная на знакомстве с практикой и теорией государственного

управления Швеции и германских государств (раздел *Origines*). Дворянское самоуправление – новшество, получившее законодательную основу в России только в последней трети XVIII в., – при сравнении с практиками европейского Запада может выглядеть убого, приобретая карикатурные черты в гоголевском и щедринском духе. Но, оказавшись в рамках электоральных процессов, как продемонстрировано в статье *Дмитрия Тимофеева* (Екатеринбург, Россия), русское провинциальное дворянство быстро научается использовать их не только в качестве каналов публичной коммуникации с властью, но и для отстаивания своих общесловных интересов, что влияет на интенсивность его социальной консолидации.

Если в предыдущих статьях речь шла об индивидуальных и коллективных поведенческих практиках различных слоев российской элиты в переходные эпохи, то в нескольких последующих материалах читательское внимание обращено на рядовые слои населения. Даже крепостное крестьянство, одна из самых инертных и при этом самая многочисленная группа населения России, подвержено эволюции самосознания под влиянием долгосрочных перемен, происходивших в стране в течение XVIII столетия. *Ерофей Моряков* (Москва, Россия), исследовавший петиции крепостных на высочайшее имя в царствование Павла I, приходит к выводу о том, что к концу столетия и их затронули процессы социальной консолидации, приведшие, в частности, к осознанию ими себя не только как обитателей тех или иных вотчин, но и как общеимперских подданных. Поиску правды и справедливости чигиринскими крестьянами, хотя и в контексте представления об идеальном монархе-спасителе, посвящена статья *Виктора Мауля* (Нижевартовск, Россия). Стремление крестьян изменить свою жизнь в новых исторических условиях и конфликтные ситуации организационного и ментального характера описывает *Галина Алишина* (Томск, Россия). Успехи и неудачи крестьянской колонизации Томского края ярко представлены в статье на основании архивных документов.

О причинах низкой боевой эффективности казаков Войска Донского в период Кавказских войн рассуждает *Амиран Урушадзе* (Ростов-на-Дону, Россия). Как становится ясно из его исследования, овечьи славой донцы оказались в качественно иной обстановке, будучи отправленными нести боевую службу на Кавказе. Такая радикальная перемена в характере и условиях их службы стала явным просчетом гражданского и военного руководства страны.

Мобилизация потенциала и сотрудничество как форма ответа на вызовы эпохи перемен проявляли себя и на институциональном уровне. В статье *Павла Лизунова* и *Владимира Морозана* (Северодвинск, Санкт-Петербург, Россия) анализируется деятельность банковского синдиката начала XX в. Основанный по инициативе С. Ю. Витте в качестве инструмента смягчения финансового кризиса 1899–1903 гг., синдикат в партнерстве с Государственным банком империи в целом

оправдал возложенную на него спасительную миссию, а обретенный опыт имел свое продолжение. Теоретическим обобщением опыта перемен в отношении к территориальным проблемам современности стали выводы в статье *Сергея Маркедонова и Игоря Окунева* (Москва, Россия) о сложности самоопределения государств и конфликтах, возникающих из противопоставления формальных границ и национальной идентичности населения.

В разделе *Controversiae et recensiones* продолжено обсуждение межгосударственных отношений и их рецепции в практике и высказываниях правителей и социума. Сложность и неоднозначность, а также зачастую стереотипы в оценке таких отношений (Россия и Германия XVIII в.) проанализированы в исторической монографии Питера Хоффмана (2019). Автор рецензии *Хартмут Рюсс* (Мюнстер, Германия), высоко оценивая смелость и информационную насыщенность работы, не упускает возможности указать на спорность ряда положений историка. О том, насколько важна для понимания мировоззрения терминология в ее историческом развитии, высказывается *Томаш Амброзьяк* (Екатеринбург, Россия) при анализе монографии польского исследователя *Анны Гжеськовьяк-Крвавич* (2018) о политическом дискурсе в Речи Посполитой. Вывод рецензента касается не только данной работы, но и видения дальнейшей перспективы, вытекающей из разработки проблемы. Тема изменения государственной политики в Азиатской части Российской империи, представленная на основе анализа управленческих подходов в исследовании *Дмитрия Васильева* (2018), рассмотрена *Романом Почекаевым* (Санкт-Петербург, Россия). Автор рецензии подробно прослеживает логику и документальную основу монографии, указывая на многогранную оценку автором политических амбиций в сочетании с прогрессивными устремлениями правящих структур.

Отмечая проходящую через весь номер идею перемен, подчеркнем, что это одна из важнейших проблем для журнала [см., например: *Transformations of Society, Bodily Imperfection, and Spiritual Beauty*], к которой редколлегия намерена обращаться и далее.

Лариса Соболева, Дмитрий Редин
Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

Список литературы

- От редакции // Диалог со временем. Вып. 73. С. 5–6. DOI 10.21267/Aqilo.2020.73.73.
Transformations of Society, Bodily Imperfection, and Spiritual Beauty / A. Morard, L. Soboleva, D. Redin // *Quaestio Rossica*. Т. 7. 2019. № 1. P. 7–20. DOI 10.15826/qr.2019.1.359.

References

Ot redaktsii [From the Editors] (2020). In *Dialog so vremenem* [Dialogue with Time]. Iss. 73, pp. 5–6. DOI 10.21267/Aqilo.2020.73.73.

Morard, A., Soboleva, L., Redin, D. (2019). Transformations of Society, Bodily Imperfection, and Spiritual Beauty. In *Quaestio Rossica*. Vol. 7. No. 1, pp. 7–20. DOI 10.15826/qr.2019.1.359.